

ГЛАВА 2. КАРЕТА

Обед, приготовленный Цзянь Мянem, был предельно прост: обжаренная картофельная соломка, редька с сахаром, капуста в уксусном соусе и наваристая уха. В суп он добавил пару кусочков домашнего тофу — это придало блюду особую нежность.

Стол выглядел более чем скромно, но для Ли Цина и Цзянь Мяня, привыкших к почти аскетичной жизни, это было лучшее угощение, которое они могли предложить гостю. В их ордене почти не осталось людей, а для того, чтобы зарабатывать деньги, не хватало рук — не зря же они разбили на склонах горы несколько небольших огородов.

Ли Цин радушно пригласил младшего брата к трапезе, не упустив случая представить своего единственного ученика:

— Этот тофу Мян-эр приготовил сам. На вкус он куда лучше того, что продают в лавках. Уцзю, попробуй.

Цзянь Мян, живший в этом мире уже полгода, в свободное от медитаций и тренировок время всегда старался найти себе дело. Жили они бедно, бюджет на закупки был строго ограничен, поэтому он привык экономить на всём. Как-то раз он вспомнил сюжеты из романов о «попаданцах», где герои мастерили что-то своими руками, и решил попробовать: купил гипс, сою... К его удивлению, тофу и впрямь получился.

Под выжидающими взглядами учителя и ученика Цинь Уцзю подцепил палочками кусочек и отправил в рот. Спустя мгновение он поднял глаза на Цзянь Мяня. Голос его прозвучал мелодично, но отстранённо:

— Хорошее мастерство.

Их взгляды встретились. Цзянь Мян тут же вспомнил странную фразу, брошенную младшим шишу во время чистки рыбы. Он мгновенно подобрался и, смиренно опустив глаза, ответил:

— Главное, чтобы шишу не было противно.

Цзянь Мян не пытался специально следить за гостем, но каждое движение мужчины было исполнено такого благородства и изящества, что взгляд невольно задерживался на нём. Он заметил, что Цинь Уцзю почти не прикоснулся к овощам, зато уха пришлась ему по душе — он съел добрую половину чаши вместе с рыбой и тофу.

«Как мало он ест», — подумал Цзянь Мян, задумчиво покусывая палочки и слегка нахмурившись. Дед с детства твердил ему, что здоровье зависит от хорошего аппетита. Его младший шишу и так выглядел болезненным, а если он ещё и питаться будет как птичка, то совсем зачахнет.

Однако, раз уж шицзунь молчал, он, как младший, не смел давать советов.

После обеда Цзянь Мянью быстро прибрал со стола и ушёл на задний двор тренироваться с мечом, оставив наставника и шишу наедине. Он понимал: им нужно поговорить.

К вечеру Ли Цин позвал ученика к себе. Цинь Уцзю был там же.

Ли Цин взял Цзянь Мянью за руку и негромко произнёс:

— Мянью-эр, больше всего в этом мире я беспокоюсь о тебе.

От этих слов сердце Цзянь Мянью сжалось — близился час расставания.

— Шицзунь... — прошептал он с тоской.

Цинь Уцзю сидел поодаль с безучастным видом, словно разыгрывающаяся перед ним драма его совершенно не касалась. Его взгляд был устремлён в окно, на заснеженные зимние горы. Зима вступила в свои права: всё вокруг увяло, природа погрузилась в оцепенение, повсюду царил безжизненное запустение. Уцзю медленно провел бледными пальцами по краю стола, и в этом жесте читалась глубокая скука.

Ли Цин с нежностью посмотрел на своего единственного воспитанника:

— Уцзю — твой младший шишу. Его здоровье слабое. Когда я уйду, позаботься о нём.

Цзянь Мянью замер от удивления. Фраза прозвучала как-то странно. Лишь спустя пару секунд до него дошёл смысл.

«Шицзунь, вы ничего не перепутали?» — хотел было спросить он, но не успел. Ли Цин отпустил его руку, закрыл глаза и, склонив голову, затих. Его дыхание оборвалось.

Цзянь Мянью замер в растерянности. Прошло несколько долгих мгновений, прежде чем он, дрожа, решился коснуться наставника. Пульса не было. Плечи юноши поникли, слезы хлынули из глаз, а в груди разлилась острая, невыносимая боль.

Услышав сдавленные рыдания, Цинь Уцзю наконец повернул голову. Он скользнул равнодушным взглядом по телу усопшего брата — ни тени эмоций не отразилось на его лице. Всё его внимание сосредоточилось на дрожащем от плача юноше. С того места, где сидел Уцзю, он не видел лица Цзянь Мянью, но видел, как слезинка за слезинкой падают на пол, оставляя тёмные пятна на светлых плитках.

Глядя на эти капли, Уцзю непроизвольно шевельнул пальцами. В глубине души возникло мимолётное сожаление: когда придёт его черёд умирать, вряд ли кто-то прольёт по нему хотя бы слезу. Впрочем, так даже лучше — уйти легко, не оставляя после себя ни привязанностей, ни печали.

Похоронив Ли Цина и выдержав трёхдневный траур, Цзянь Мянью покинул Павильон Чистого Ветра и Ясной Луны вместе со своим младшим шишу.

Карета Цинь Уцзю была исполнена с изысканным мастерством, а кони оказались великолепными аргамаками. Однако горные тропы были суровы, и экипаж то и дело подбрасывало на ухабах. Юноша и его шишу сидели по разные стороны, не мешая друг другу. Уцзю сидел с плотно закрытыми глазами. На фоне белоснежной лисьей шубы его лицо казалось фарфоровым — таким бледным, будто он мог исчезнуть в любую секунду.

Хуже всего было то, что в пути погода внезапно испортилась: поднялся ледяной ветер, и хлынул ливень. Даже жаровня с углями не спасала от пронизывающей стужи. Цзянь Мянью, будучи молодым и обладая крепким духовным ядром, холода почти не чувствовал, но Уцзю затих настолько, что его дыхание стало почти неразличимым.

Цзянь Мянью долго колебался, но в конце концов беспокойство взяло верх. Он придвинулся ближе и коснулся руки шишу, лежавшей на коленях. Пальцы оказались ледяными, как сама смерть. Юноша вздрогнул.

«Такой холод... Неужели он умер?»

После кончины наставника этот странный и холодный человек остался единственной связью Цзянь Мянью с этим чужим миром. В носу предательски защекотало, но в этот миг он почувствовал на себе тяжёлый, пронзительный взгляд. Подняв глаза, он столкнулся с взором, холодным, словно дно глубокого колодца.

Мужчина смотрел на него без всякого выражения. Первой реакцией юноши был не страх, а искренняя радость.

— Младший шишу! — с облегчением воскликнул он, и в его глазах заплясали искорки.

Мужчина долго молчал, словно взвешивая что-то в уме, а затем сухо спросил:

— Чему ты радуешься?

Цзянь Мянью лишь покачал головой — не признаваться же, что он уже мысленно его похоронил. Он принялся обыскивать карету в надежде найти хоть что-то теплое, но, не обнаружив ничего

подходящего, снова посмотрел на Цинь Уцзю. Тот тоже не сводил с него глаз.

— Младший шишу, — набравшись храбрости, произнёс Цзянь Мянью, — простите за дерзость.

С этими словами он крепко обхватил ладони Уцзю своими руками.

В глазах мужчины на миг вспыхнул опасный блеск. Его первым порывом было отшвырнуть наглеца прочь, но, встретив взгляд юноши, полный искренней заботы, он замер. Почти сразу же живительное тепло начало перетекать через их ладони, проникая в каждую клеточку его озябшего тела.

Многие годы после тяжелых ран его конечности оставались ледяными, и сейчас он впервые за долгое время почувствовал настоящее тепло. Это ощущение пугало и притягивало одновременно. Он попытался высвободить руку, но Цзянь Мянью держал крепко.

— Стало хоть немного теплее? — с надеждой спросил юноша, и его глаза заблестели.

Уцзю шевельнул губами, и лишь спустя долгое время он едва слышно выдавил:

— Да.

Цзянь Мянью расплылся в улыбке. Продолжая направлять духовную энергию, чтобы согреть шишу, он непринужденно поинтересовался:

— Младший шишу, а куда мы едем?

Цзянь Мянью был на редкость хорош собой: строгий чёрный наряд, волосы, собранные в высокий «конский хвост», прямая спина. В нём чувствовалась та неукротимая энергия юности, которая делает человека похожим на молодой бамбук после весеннего дождя — на него хотелось смотреть снова и снова.

Цинь Уцзю некоторое время пристально разглядывал его, после чего коротко обронил:

— В Фэнчжоу.

За полгода в этом мире Цзянь Мянью не видел ничего, кроме Павильона Чистого Ветра и Ясной Луны и маленького городка Гуйюнь у подножия горы. Название «Фэнчжоу» звучало богато и обещало шумную, столичную жизнь. Юноша по натуре был деятельным — в горах он тратил излишки энергии на тренировки с мечом, но в карете ему было совершенно нечем заняться. Он надеялся разговорить шишу, чтобы скрепить их узы (ведь им теперь жить вместе) и заодно утолить любопытство.

Однако стоило ему открыть рот, как Уцзю аккуратно, но твёрдо забрал свои руки.

— Младший шишу? — опешил Цзянь Мянью.

— Позаботься лучше о себе, — холодно отозвался Уцзю и закрыл глаза.

Юноша несколько секунд сидел с протянутыми руками, после чего неловко потер нос. Обиды он не затаил: за время их недолгого знакомства стало ясно, что шишу терпеть не может чужих прикосновений.

За стенами кареты монотонно шумел дождь. Цзянь Мянью немного поскучал, а затем уселся в позу лотоса и погрузился в медитацию. В тесном пространстве экипажа воцарилась странная, но на удивление гармоничная тишина: один тренировался, другой дремал.

Цзянь Мянью планировал, что, приехав в Фэнчжоу, он как следует изучит город, осмотрит достопримечательности и проникнется местным колоритом. Но планам не суждено было сбыться. Дорога оказалась слишком изматывающей для Цинь Уцзю: едва добравшись до места, он свалился с тяжелым недугом. Болезнь протекала столь стремительно, что лекари несколько раз советовали Цзянь Мянью готовиться к худшему.

Юноша места себе не находил, проводя ночи напролёт у постели больного. К счастью, небо смилостивилось: спустя три дня беспомощности Цинь Уцзю пришёл в себя.

Когда он открыл глаза, в комнате никого не было. Уцзю лежал неподвижно, глядя в потолок. На его лице не было радости чудесного спасения — лишь привычная апатия.

«Надо же, не умер. Как жаль».

Вдруг дверь скрипнула, впуская струю холодного воздуха, и к кровати подлетел юноша. Его лицо сияло от счастья:

— Младший шишу! Вы очнулись!

Глядя на него, Уцзю только сейчас вспомнил, что он теперь не один — он притащил за собой этого мальчишку. Он всё ещё не был уверен, правильно ли поступил.

Не успел он собраться с мыслями, как глаза Цзянь Мянью покраснели, и крупные слезы покатались по щекам, разбиваясь о тыльную сторону ладони Уцзю. В этот миг мужчина весь одеревенел от неожиданности.

«Это... он плачет из-за меня?»

Оказалось, что слёзы на ощупь совсем не такие, какими он их представлял. Не просто теплые... они были обжигающе горячими, словно могли оставить след на коже.

Уцзю со странным чувством смотрел на рыдающего юношу. Спустя мгновение он медленно поднял руку и коснулся его макушки. Голос его невольно смягчился:

— Не плачь.

Цзянь Мянью торопливо вытер глаза. Веки его припухли, но в глубине взгляда светилась улыбка.

— Это я от радости, шишу. Вы, должно быть, проголодались? Я сварил кашу, сейчас принесу!

Не дожидаясь ответа, он пулей выскочил из комнаты.

«Ну и стремительный же у меня шичжи», — подумал Уцзю. Он приподнялся на локтях, коснулся пальцами того места на руке, где ещё сохранилась влага, и впервые поймал себя на мысли: пожалуй, то, что он проснулся в этот раз, — не так уж и плохо.

Он посмотрел на закрытую дверь, и в душе возникло предчувствие: скучать в ближайшее время ему точно не придётся.

<http://bllate.org/book/17489/1708227>